

Александр САВЧЕНКО

ТЫСЯЧА ДНЕЙ И НОЧЕЙ*

Героическая повесть

КУЗНЕЦК. 1931. ТОНNELЬ

Не все в американском проекте оказалось продумано досконально. Один существенный недостаток обнаружили уже в ходе строительства. А касался он сообщения между заводом и поселениями заводчан.

Основная жилая площадка разместилась выше предприятия – вдоль пологого склона горы Старцевой. Почти сразу стала застраиваться домами территория и с восточной стороны завода. Американские архитекторы по привычке называли жилые площадки колониями. Так и прижилось: Верхняя и Нижняя колонии.

Верхняя находилась в более выгодном положении. Она была закрыта от больших ветров, и почти с любой ее точки распахивалась красивая панорама левобережья Томи – с несколькими селами, перелесками, болотами и тремя притоками – Абой, Конобенихой и Горбунихой. Самой крупной речкой была Аба. Местный народ ловил рыбу в ее бурой, но чистой воде, не уходя к берегам более крупных рек – Томи и Кондомы.

Горбуниха в летнее время текла почти незаметным ручейком. Зимой ее вообще нельзя было заметить под толщей снега. Зато в половодье она вспучивалась и гнала по своему руслу неожиданно мощные потоки вешних вод. Порой возникали заторы из валежника, старого домашнего скарба и мусора, трупов погибших животных и птиц, и речонка представляла взорам очевидцев как бы взгорбленной. Вот оттуда, видимо, и покатилося ее название – Горбуниха.

На Верхней колонии жилье изначально строили активно. Вскоре там гнутыми черточками протянулись первые улицы. На них поселился цвет строящегося завода. Но быстро выяснилось, что этот поселок как бы оказался в осаде.

На одной из оперативок Франкфурт, морщась, повернулся к Бардину:

– Тебе, Иван Павлович, не надоело кружными путями добираться с работы до дому? А вчера, сооб-

щаю всем, двоих угораздило попасть под маневровый паровоз. Возвращались во тьме с работы...

Бардин потер указательным пальцем переносье, немного подумал.

– Я уловил ход ваших мыслей! Ряд товарищей уже высказывали недовольство. Мол, нет у нас тесной связи головы с ногами...

Франкфурт насторожился:

– Ты это о чем? Вроде как на что-то намекаешь?

– Нет. Я о том, как быстрее и удобней добираться до Верхней. Тут один наш товарищ, не буду называть его имени, предложил даже проложить мост в виде парящего над площадкой виадука. Это, конечно, было бы неплохо. Но такой мост разумней построить на заводских задворках, а то в центре он сразу перекроет многие наши сооружения и застопорит ведение любых монтажных и ремонтных работ...

Присутствующие знали, что строительную площадку перерезали пути горячего чугуна и шлака пути скрапа, угольные пути – отдельно для коксового цеха и центральной электростанции, пути горячей стали. По железнодорожным путям шли сплошные потоки сырья, топлива и готовой продукции – угля, руды, флюсов, скрапа, кокса, чугуна, стали, стальных болванок, обжатых блюмсов, рельсов. По ним же везли шлак и мусор. Перемещался жидкий чугун к разливочной машине и мартену. Составы изложниц шли под разливку стали. Разлитую сталь доставляли в стриперное здание. Горячие заготовки подавались к нагревательным колодцам. И все это должно было передвигаться быстро и точно, иначе сорвалась бы работа горячих цехов...

– Значит, безысходность... Вот тебе и прозорливые американцы! И мы тоже не доглядели, не видели ничего дальше своего носа! Скажем себе спасибо...

Франкфурт часто так заканчивал совещания – без всякого оптимистического пафоса. Молча поднимался, надевал плащ или куртку и первым покидал свой кабинет или другое помещение, где происходил разговор с его участием. Присутствующие знали, что за этим демаршем последует серьезный разговор. С него начнет директор свое следующее совещание. Франкфурт ничего не забывает...

Вот и на этот раз он так же молча направился к вешалке. Но Бардин соскочил со стула и, как бы догоняя начальника своими словами, твердо ответил на его последнюю фразу:

– Вы не правы, Сергей Миронович! Есть одно исключительное решение. Но оно требует больших денег и времени.

– Что-что? Ты, Иван Павлович, считаешь, что все здесь строится бесплатно и только твоя идея чего-то стоит?

Но тут до Франкфурта дошло, что главный инже-

* Журнальный вариант. Окончание. Начало см. в №1, 2024

нер не блефует. Уж кто-кто, а Бардин не будет нести всякую чепуху. Постояв секунду у вешалки, даже прикоснувшись к кепке, директор развернулся и прошел назад к своему месту. Уселся, нервно постучал костяшками пальцев по дубовой столешнице и неожиданно улыбнулся:

– Давай, выкладывай свою хитрость!

Бардин, как обычно, насупил брови. Хотел начать издали, а получилось иначе. Вырвалось сразу:

– Наши ребята предложили проложить подземный тоннель. Но прокладку надо форсировать немедленно, потому что потом его уже никогда не построить...

Только после этого он подробней рассказал об идее. И подытожил:

– Это должна быть не подземная нора, а грандиозное сооружение. Я бы сказал, соединяющее два мира. По нему будут проходить не только трудящиеся люди, но и поедут подводки и авто. Если быть честным, то, если в нашем городе появится трамвай, ему тоже найдется место в тоннеле.

Кто-то за спиной Бардина не выдержал, громко произнес со вздохом:

– Неужели такое может быть?

– Может! – резко повернул голову Иван Павлович. – Увидите сами. Только надо приложить силы...

Видно было, что изложенные Бардиным наметки по строительству тоннеля большинству присутствующих понравились. Франкфурт слушал внимательно, карандашом делал пометки в рабочей тетради. Когда Бардин закончил, он сказал коротко:

– На сегодня это будет задача номер один. Конечно, не считая главной задачи, которой мы посвящаем свою жизнь...

Тут голос подал Казарновский, примостившийся со своим стулом у самой двери. Он, видать, долго пытался вставить слово, но никак не решался.

– А как мы на санях зимой бетон будем одолевать в тоннеле? Это ж целая проблема!

Привстал Степанов, временно ведающий гужевым хозяйством и круглый год не снимающий с больной шеи платок жены. Своим крякающим голосом он пояснил:

– Тут дело, Григорий Ефимович, проще пареной репы. На зиму будем стелить дорожку из снега. Как наступит первозимок, так каждый возчик аль кучер снежку с собой должен прихватить, и в туннель его... По весне, скоко останется, все вычистим...

Франкфурт скрыл улыбку, посмотрел на делопроизводителя Свинцова, который вел протокол совещания.

– Ты, Леонид, понял? Не упусти мое указание! А ты, Иван Павлович, подготовь текст соответствующего приказа. О тоннеле должен знать у нас каждый!

Свинцов вытер рукавом испарину со лба:

– Сделаю, Сергей Миронович!

Франкфурт рывком поднялся и снова направился к вешалке. Вслед за ним к выходу потянулись остальные.

КУЗНЕЦК. 1932. АКАДЕМИК В ПОЛУШУБКЕ

Орджоникидзе позвонил, как обычно, неожиданно. По-сибирски около четырех часов утра. Значит, в Москве была почти полночь. Кратко поздоровался, спросил из вежливости:

– Ты не спишь еще, Сергей Миронович? Есть деликатный вопрос...

Франкфурт мотнул головой, сгоняя сонное состояние:

– Прикорнул малость...

Тут же глянул на часы у входа в спальню и добавил:

– Вообще-то пора вставать...

С другого конца провода донеслось:

– Так вот, слушай. То, что запускаете завод, – молодцы. Нас тоже заставили поработать. Теперь над наградами вам думаем.

– Спасибо партии и правительству за внимание!

– Ладно, ладно... товарищ орденоносец!

Франкфурт сладко улыбнулся. Значит, и лично его награждают.

– Мы решили, – продолжил Орджоникидзе, – что Ивана Павловича Бардина надо срочно определять в академики. Каково мнение начальника строительства?

Такого поворота Франкфурт не ожидал. Конечно, Бардин тянет на орден Ленина, на другие высокие награды и милости с барского стола. Но вот так запросто из котлована, от доменной печи, что называется, от сохи – и в академики? Не мог представить Франкфурт, что в нем вдруг проснется элементарное чувство ревности.

– Что-то ты задумался... Или не понял моего вопроса? – напомнил о себе Орджоникидзе. – Может быть, у тебя, Сергей Миронович, другое мнение, в отличие...

И оборвал фразу. Видно, разгадал, чем вызвано затянувшееся молчание Франкфурта.

– Если ты возражаешь, мы найдем подходящую кандидатуру в другом месте, – вроде как успокоил нарком. – Подпирают герои с Днепрогэса, с Волхова, с Магнитки. Можешь остаться при своих интересах...

Последние слова Орджоникидзе вывели Франкфурта из прострации. Он словно еще раз проснулся.

– Что вы, товарищ Серго! Я просто подумал... как известие воспримет сам Иван Павлович и Кузнецкстрой в целом.

– А вот тут, товарищ начальник, это твоя забо-

та... Воспринимать должны все одинаково! Так что, думаю, взаимопонимание достигнуто. Еще раз прости, что не дал тебе хорошенько выспаться!

И Орджоникидзе повесил трубку.

Народному комиссару тяжелой промышленности СССР давно хотелось решить этот вопрос – сделать инженера Бардина академиком. Но дело оказалась не так уж простым. Хотя подобные прецеденты уже были. Долгое время шла эпопея с талантливым инженером-практиком Владимиром Шуховым. Четыре года назад по предложению нескольких ученых его избрали членом-корреспондентом Академии наук, в двадцать девятом году – ее почетным членом. Ссылаясь на состояние здоровья и занятость, баллотироваться в действительные члены Шухов отказался. При этом его арочные металлические конструкции, особенно знаменитая радиобашня на Шаболовке, заняли видное место среди достижений современного строительства и науки. Даже за граница кинулась к его привлекательным изобретениям. Но Бардин для текущего периода – величина более значимая. Он, безусловно, заслуживает титула действительного члена Академии наук. Есть на примете и другие ребята, которых тоже надо возвысить до академического уровня. Пусть покажут себя, внесут свежую струю и заодно выветрят сложившийся в Академии застой...

По поводу инженеров долгое время упирался президент Карпинский. Не из-за вредности характера, а в силу принципа. Но больше всего артачился неприменный секретарь Волгин. словно ему наступили на хвост.

– А они знают, каким трудным должен быть путь человека, попадающего в Академию? – верещал он, когда ему на стол попало предложение о включении в состав академиков нескольких человек, показавших исключительные результаты в советском строительстве.

Орджоникидзе даже решил вызвать протестующую парочку в Москву. Но по-человечески пожалел Карпинского: человеку уже восемьдесят пять, вдруг что случится с корифеем... Такими разбрасываться нельзя – умница из умниц, не зря по императорскому указу возглавил Петербургскую Академию наук еще в девятьсот шестнадцатом. Остался на своем месте после революции и тянет нелегкую ношу до сегодняшнего дня. Правда, любит поспорить с советской властью, но в старчество, дай Бог, еще не впал, хочет послужить на благо родины...

И все же к разрешению вопроса пришлось срочно подключать еще двоих – Кржижановского и Покровского. Они числились в составе Академии с двадцать девятого. Тогда, на фоне академического разброда и шатаний, несколько человек пришлось прямо-таки насильно проталкивать в академическое кресло. А те из академиков, кто сопротивлялся

партийным установкам, поехали добывать себе хлеб насущный в окраинных городах страны...

Кржижановскому доверили должность вице-президента. Он проявил все свои дипломатические способности, сумел уломать старую гвардию. Правда, не меньшую роль сыграл Покровский Михаил Николаевич. Тот знал, в какие минуты и перед чьим носом надо помахать революционной шашкой...

Теперь документы, как полагается, оформлены и подписаны. Электрический колдун Винтер, экономист Осинский, гидротехник Веденеев, металлург Бардин... Выдвиженцы из созидательной гущи народа. Пусть обновят академическую кровь. Этого требует накал в стране. И Коба чуть не каждый день давит на членов Центрального комитета...

Удивила только реакция Франкфурта, когда тот услышал о причислении главного инженера Кузнецкстроя к научному сообществу. Не может же он всерьез считать, что Бардин перебежал ему дорогу! Должен понимать, что в части приоритета у Бардина даже близко нет никаких соперников. Бардин был и пока остается единственным инженером-практиком в Союзе, который не только окунулся в американскую и немецкую технику металлургической промышленности, но и использовал все свои знания для того, чтобы построить в Сибири самый усовершенствованный завод. За такое человеку мало даже академика...

Весть о том, что его хотят произвести в академики, докатилась до Бардина еще в середине марта – в дни, когда шла подготовка к пуску доменной печи. Позвонил из Ленинграда секретарь Академии наук Вячеслав Петрович Волгин. Волнуясь, сообщил, что у него на столе лежит «серьезное» письмо из Центрального комитета. Поэтому, мол, надо задать ряд уточняющих вопросов.

– Вам, Иван Павлович, приходилось читать лекции перед студенческими аудиториями?

– Вообще-то, да. Мы у себя создали, правда, с переводом из Томска, полноценный институт черных металлов. Я там выступаю с лекциями на тему доменного производства.

– Очень даже замечательно. А что-нибудь вы, возможно, публиковали в наших или заграничных журналах?

– За границей не выступал. А здесь мы выпускаем научно-технический журнал «Кузнецкстрой». Причем по глубине содержания он не уступит некоторым европейским. Стараемся быть в курсе мировых событий. А, собственно, почему у вас такие конкретные вопросы?

Волгин замаялся. Но потом все же раскрыл тайну:

– Видите ли, уважаемый Иван Павлович... Есть мнение приобщить вас к лону нашего заведения. Ваш труд в строительстве гигантского завода в Сибири замечен партией и правительством. Это за-

служивает звания действительного члена Академии наук СССР.

Слова далекого светила из Ленинграда подействовали на Бардина ошеломляюще. Академик – о таком он никогда даже не думал!

– По моим представлениям, академик должен сидеть в тиши кабинета или в научной лаборатории. Я же постоянно нахожусь на заводе, возле домен, около мартенов. Короче, у горячего металла... – Бардин перехватил трубку, перенес от одного уха к другому. – Поэтому какой из меня академик? К тому же я, как минимум, должен уже иметь звание члена-корреспондента, быть профессором...

– Ваш случай уникальный. На всю страну таких два-три примера. Наша наука должна обеспечивать все то, о чем вы думаете и говорите. Вот вы лично выстроили в своей голове и претворили в жизнь новейший завод-гигант. Это стоит многих научных трудов. Теперь результаты вашей деятельности должны быть обобщены и переданы следующим поколениям металлургов, причем не только в нашей стране. Кроме вас это сделать некому...

Разговор неожиданно прервался, в трубке раздался непонятный хрип, потом звуки вообще исчезли. За окном стояла мартовская ночь. Сон словно рукой сняло. Бардин открыл форточку. С горы в комнату ворвался поток холодного воздуха. Иван Павлович почти вплотную приблизил лицо к стеклу. В прохладных воздушных струях чувствовался щемяще тонкий аромат близкой весны...

«Это истекает моя тысяча дней, – подумал он. – И ночей...»

...Франкфурт в последнее время выглядел особо начальственно. На этот раз при встрече с Бардиным многозначительно улыбнулся. Снял очки, вытащил платок из заднего кармана штанов, тщательно протер стекла.

– А ведь, Иван Павлович, у нас не все так плохо. Есть и хорошая новость.

– Что-то произошло необычное?

– Был у меня разговор с товарищем Орджоникидзе. И не просто о делах. А конкретно о тебе.

– Он мне только вчера звонил. Ничего странного с его стороны я не заметил...

– Вполне возможно. Есть мнение избрать тебя в Академию наук. Товарищ Серго спрашивал о моем согласии. Я сказал, что других вариантов не вижу. Так что в скором времени с тебя причтется не только бутылка коньяка.

– Насчет коньяка возражений нет. Только какой из меня академик? С чего вдруг такое внимание к моей персоне?

Франкфурта на мякине еще никто не проводил. Сказал с усмешкой:

– Ты, жук, наверняка обо всем уже знаешь. И давай не строй из себя невинную девочку. Если пар-

тия сказала, что будешь академиком, значит, тебе быть им!

– Ну, честно, какой из меня академик? Я целыми днями из полушубка не вылезая...

Франкфурт куда-то торопился. Но задержался на верхней ступеньке лестничного марша и как бы отмахнулся кожаной перчаткой:

– Видишь, как просто: теперь будешь у нас академиком в полушубке...

КУЗНЕЦК. 1932. ПУСК ДОМНЫ № 1

Из летних сообщений почти вся страна знала, что правительством определен день пуска первой домны в Кузнецке – 7 ноября 1931 года. Эта дата была установлена после заверений руководства Кузнецкстроя: именно в великую октябрьскую годовщину страна получит первый сибирский чугуун. Для Бардина поначалу этот срок был очень далек и казался вполне выполнимым. Тем более что Франкфурт ежедневно наседавал:

– Иван Павлович, иначе нельзя! Нас там не поймут. Никак не поймут...

Бардин, знал, кто это – «мы», и кто – «там»... А время неумолимо шло, и становилось ясно, что к ноябрьским праздникам домна не будет запущена. Назревал громадный скандал.

Главного инженера строительства беспрестанно теребили, спрашивали бесчисленные представители газет, журналов, работники партийных и комсомольских организаций, разных хозяйственных учреждений. У каждого был свой интерес, но все сводилось к одному: что еще надо доделать до пуска домны? Москва, видимо, начала понимать сложившееся положение, но в телефонных разговорах и телеграммах по-прежнему задавала трафаретный вопрос: «Можно ли уложиться в сроки?»

Бардин стал отвечать, что если не в ноябре, то к концу декабря домна будет готова. В это время Воронин со своей командой еще возился возле наклонного моста. Надо было закончить заезды на бункера, проложить пути, чтобы можно было подъезжать к печи. Наконец, необходимо получить кокс... До праздника оставался месяц, а территория доменного цеха была завалена землей, железными и бетонными конструкциями, необрунным кирпичом, непригодными трубами и кучами обыкновенного мусора.

Другие важнейшие объекты завода, обеспечивающие доменный процесс, тоже еще не были готовы. Не было даже разливочной машины. Так что пустить домну в ранее обозначенный срок оказалось невозможно.

Партийный комитет строительства понимал ситуацию и усиленно искал выход.

– Можно ли запустить домну без разливочной машины? – спрашивал Хитаров.

– Ни в коем случае! – сразу обрывал Бардин.

– А нельзя ли разлить чугун на литейном дворе? Некоторые мастера утверждают, что можно.

– Кто они – эти мастера? Это невозможно. У нас не допотопная печурка, а современная печь. Мы просто не успеем убрать чугун и напрасно измотаем людей.

– Хорошо. Скажите: можно ли пускать домну без газоочистки? Она тоже не готова...

– Нет, нельзя, потому что если пускать грязный газ, то забьются кауперы, и мы их погубим.

– А что, если попробовать пустить печь на одной турбовоздуходувке?

– Категорически нельзя. Если, тьфу-тьфу-тьфу, произойдет авария турбовоздуходувки, печь надолго выйдет из строя. Потом, вы же знаете, что к 7 ноября мы только поднимем наклонный мост. Но и его еще надо монтировать. А это время...

Торжественное собрание коллектива в честь 14-й годовщины Октябрьской Революции прошло в деревянном здании только что выстроенного театра. Общий праздничный настрой омрачала тревога от того, что главная задача дня не выполнена. Из разных концов зала неслись реплики в президиум:

– Как с домной? Когда дадим чугун?

Франкфурт привстал, сказал коротко:

– По этому вопросу даст пояснение товарищ Бардин.

Иван Павлович протер очки, но надевать не стал. Поднялся и громко произнес:

– Будем считать в основном наш завод открытым, а домну постараемся пустить в декабре...

Но вот пролетел и декабрь, за ним январь, а для пуска домны еще не все было готово. Главный инженер строительства был вызван в партком. Без всяких предисловий Хитаров набросился на Бардина:

– Иван Павлович, как же такое могло случиться? Мы обманули не только наших строителей, но и весь советский народ, наше правительство и лично товарища Сталина. Вы представляете, как выглядит теперь доблестный Кузнецкстрой? Мы с ваших слов были уверены, что пустим домну в ноябре, потом всех заверяли, что это произойдет в декабре. Но вот уже заканчивается февраль, и все видят, что на вашем фронте работ еще невпропорот... Неизвестно, когда мы, наконец, выполним обязательства, взятые перед советским народом. Вы лично знали, что вовремя домна не будет задута? Так? И вы, наверно, догадывались, чем это может пахнуть...

Перкин, освобожденный помощник Хитарова, зачем-то постукал тупым кончиком карандаша по столу и изрек:

– Это, товарищ Бардин, если рассматривать по-

большевистски, попахивает саботажом со всеми вытекающими...

Сидящий в стороне у окна Франкфурт хмуро свел брови, но в разговор не влез. А Бардин резко изменился в лице. Ему хотелось взять за шкуру этого подпевалу Перкина и оттащить к домне. Пусть попробует залезть хотя бы на десять метров вверх. Все знали, что Перкин страшно боится высоты и никогда не подходит близко ни к одному строящемуся объекту.

– Да, я понял это еще несколько месяцев тому назад, – четко ответил главный инженер.

– Так почему ж вы этого не сказали нам раньше и продолжали уверять нас, что домну к ноябрю мы обязательно пустим? – настаивал Хитаров. – Надо было прийти в партийную организацию и поделиться своими сомнениями. Ведь мы могли бы принять мобилизационные меры, и с нашими замечательными строителями, наверно, давно уже пустили бы этот важнейший объект!

В груди Бардина что-то перещелкнуло, кольнуло в левом боку. Как же так? Неужели эти люди, что уселись за стол, покрытый только что поступившим кумачом, не видели и не видят состояния дел на стройке?

– Это, безусловно, верно, – произнес отстраненно Иван Павлович. – К сожалению, об этом я не подумал... Дело в том, что запускать в работу такой металлургический агрегат, как домна, в небывалые морозы я не мог... Это просто безумие...

Все члены парткома с удивлением переглянулись.

– Ну, а теперь, в марте, можно все-таки пускать печь? – подал голос Перкин.

– Да. Теперь можно. Печь вполне готова.

...На стройке работало уже почти пятьдесят тысяч человек. Еще тридцать тысяч строили рудники и железные дороги. В феврале загрузили первую коксовую батарею, потом заработала ЦЭС. Настал самый ответственный момент. Первая доменная печь должна была дать чугун.

Подготовка ее к пуску началась в конце месяца. Кажется, испытали все, проверили, подмели, подчистили. Но задуть печь, считал Бардин, еще нельзя. Водяной затвор пылеуловителей пропускал воду. Конструкция затвора оказалась такой, что определить точное место утечки не представлялось возможным. Бардин приказал перечеканить все заново, и не только снаружи, но и внутри аппарата. Перечекалили, а вода по-прежнему течет. Решили, что надо заварить все швы и заклепки. Сделали. Течь вроде ослабла, но не прекратилась. Промазали швы цементом – это тоже не помогло.

Бардин и другие руководители не уходили с работы около трех суток. Все устали, измучились. Главный инженер глубоко осознавал сложившуюся

ситуацию, однако ни разу ни на кого не повысил голоса, понимая, что находящиеся возле него люди в неполадках не виноваты. В конце концов он пригласил в контору обер-мастера доменного цеха Ровенского. Вытер платком потный лоб, устало сообщил:

– Если воды в затвор из водопровода будет поступать больше, чем вытекает, печь будем запустить.

За день до начала апреля в тесноватой конторке доменного цеха собрались инженеры, рабочие, строители, партийные работники, американские специалисты.

Поднялся Хитаров. Обратился к Франкфурту:

– Можно пускать домну или нет? Ваше мнение, Сергей Миронович.

Американец Бэнк вскочил, опережая:

– Ни в коем случае!

Его хором поддержали сидящие рядом соотечественники. Загалдели: мол, домну пускать никак нельзя, еще не время.

– Тогда вопрос: почему нельзя? – напрягся Хитаров.

– Следует опробовать воздухоудку, испытать водопровод. Кроме того, нет персонала для обслуживания печи, – пояснил Бэнк.

– А ваше мнение? – повернулся партийный секретарь в сторону Бардина и Ровенского. – Можно пустить печь, или есть риск, что она не пойдет?

– Да, можно. Риска никакого нет. Теперь печь готова к выдаче чугуна.

– Ну, тогда надо начинать! – произнес Хитаров, глядя на Франкфурта.

Приступили к подготовке печи к запуску, как заранее было расписано. Все знали, что теперь основные указания дает Бардин, а командовать будет обер-мастер Лаврентий Кузьмич Ровенский.

И вот наступили самые ответственные и торжественные минуты работы на площадке. Началась завалка в доменную печь шихты. По наклонному мосту из бункеров потянулись вверх к грузочным аппаратам вагонетки с рудой, коксом, доломитом.

В три часа пятьдесят пять минут Бардин включил рубильник сигнального прибора. Воздуходувка ответила: «Даем воздух». ЦЭС сообщила: «Есть пар». Кауперы доложили: «Даем дутье пятьсот градусов». Дутье в печи усиливалось.

Бардин первый завел в фурму раскаленную пику и поджег шихту. Пустили дутье, и печь загудела. На фурмах вспыхнул огонь. Оранжевым пламенем вырвался газ через чугунную летку... Через час после пуска печи рудной пылью затянуло неплотности водяного затвора, и течь прекратилась.

Сюда пришли многие строители, их жены и дети, чтобы увидеть начало великого рождения сибирского гиганта. Даже из окрестных деревень к заво-

ду понаехало множество крестьян – хотели убедиться в чуде.

Народ не уходил больше суток. Наконец, третьего апреля в половине седьмого утра доменщики открыли летку первой кузнечной домны, и чугун вырвался яркой струей. Присутствующие с небывалым восторгом смотрели на то, как кипящее железо переливалось в ковш.

Зрелище поистине было великолепное. Окрестность в эти минуты была еще погружена в предутреннюю темень, и лишь огонь домны да яркий свет расплавленного чугуна освещали площадку перед печью. Все, кто находился поблизости, были взбудоражены и ликовали.

Итак, первый чугун пошел. С этого момента Кузнечк стал родиной сибирского металла.

...Франкфурт встретил Бардина на крыльце заводууправления. Он по-детски размахивал листком бумаги:

– Иван Павлович, смотри!

Бардин сунул руку в карман. Произнес растерянно:

– Надо ж: забыл где-то очки.

– Да, ладно тебе... Слушай, я уже на три раза перечитал.

И он, словно на трибуне, громогласно и в быстром темпе, будто опасаясь, что Бардин куда-то пропадет, стал озвучивать телеграмму:

– Правительственная. Привет ударникам и ударницам, техперсоналу и всему руководящему составу Кузнечского завода, добившимся высокой выплавки чугуна на домне номер один и показавшим большевистские темпы в овладении новейшей техникой. Уверен, что коллектив Кузнечкстроя разовьет дальше достигнутые успехи, обеспечит не меньшие успехи на домне номер два, введет в строй в ближайшие месяцы мартены и прокат, построит и пустит в этом году третью и четвертую домны. Точка.

Франкфурт зачем-то поправил воротник кожаной куртки и еще более торжественно, с придыханием, закончил:

– Иосиф Виссарионович Сталин! Лично!

Бардин взял из руки начальника листок с полочками телеграфного текста, глянул в него безоружными глазами и произнес:

– Значит, мы не зря и правильно старались!

КУЗНЕЦК. 1933. ТОНNELЬ

Он хорошо усвоил поговорку «Куй железо, пока горячо!». Мало ли что может случиться завтра. Поэтому, заглядывая в будущее, надо жить сегодняшним днем.

Не только американцы, но и некоторые из наших спецов высказывали сомнение в полезности этого сооружения. Конечно, было бы неплохо сразу иметь

такую штуковину, но сейчас прокладка тоннеля на территории завода нарушит всю систему подземных коммуникаций. Бог с ними – с электрическими сетями и сетями связи, их можно изогнуть, подстраиваясь под конфигурацию тоннеля. Даже водопроводные трубы можно уложить так, чтобы они не перерезали новое сооружение. Но как быть с канализацией? Тут уж никак не увернуться: керамические и чугунные трубы фекальной канализации, а тем более бетонные трубы производственно-ливневой канализации диаметром почти в метр перед тоннелем не поднять и не опустить. Поднимешь выше – подопрешь воду на заводе, затопишь все колодцы, подвалы и другие подземные помещения. Опустить ниже подошвы тоннеля – в итоге не сбросишь стоки в Абу. Труба у берега реки окажется ниже дна ее русла. Законы гидравлики никто не отменял, жидкость движется только по уклону. Эх, мать честна! Неужели рухнет такая замечательная затея?!

Бардину до двух часов ночи не удавалось заснуть. Завтра же (какое завтра, сегодня!) – пятнадцатое число, и он первым делом должен поговорить с Сергеем Сазыкиным. Уж тот-то кумекает в канализационном хозяйстве. Не может быть такого, чтобы не нашелся выход!

И вот пролетел месяц. Многие трудности остались позади. Канализацию решили строить отдельно для левой и правой частей, а потом за границей завода объединить в один поток. Так тоннель поделил территорию завода на две половины. Появилась новая граница отсчета.

За окном разгоралось начало июня.

– Ну, Иван Павлович, вроде произошел сдвиг...

Бардин вопрошающе посмотрел на необычно довольного Франкфурта.

– Наконец похвалили в газете?

– Бери выше! Совнарком постановил перебросить к нам опытных инженеров с других строек Союза. Только с Турксиба должны прибыть более десятка инженеров. А там Москва, Ленинград, Иваново, Нижний, Тверь... Как говорится, с миру по нитке – голому на рубашку...

– Верно, что голому...

Первым с Турксиба приехал инженер Кожевников. Его аккуратная фигура естественней смотрелась бы в проектном бюро, в работе над чертежами, чем на стройке. Трудно было представить, что он тянул большой производственный воз в тяжелых условиях Турксиба. Из Москвы прибыл инженер Ушати́н, тоже в прошлом турксибовец, прежде всегда занимавшийся земляными работами. Этот полноватый крепыш постоянно находился в движении. Кожевников и Ушати́н не только были давними друзьями, но и в работе дополняли друг друга. Того и другого по распоряжению Бардина направили на строительство тоннеля.

Весной, как только сошел снег, на площадке строительства появилась группа топографов. Мужчины колдовали возле теодолитов и нивелиров, девчата в комбинезонах вбивали колышки, обозначая трассу, перерезающую площадку от подножия горы Старцевой почти до стены заводоуправления. Через несколько дней здесь трудилось уже несколько десятков человек, а через месяц – уже сотни землекопов и возчиков с телегами, на которых были установлены короба для перевозки грунта. Как и на многих других важнейших объектах будущего завода, работа на этом участке не прекращалась ни на минуту. Причем работа, в основном, ручная. Так что не было здесь механического шума, гудков. Только крикливые команды прорабов, десятников да вырвавшийся с досады мужицкий мат. Может, сломался черенок лопаты, а может, круто развернулась лошадь, опрокинув только что насыпанный грунт... Глину копали на глубину до десяти и более метров. Основание дороги в тоннеле должно было выдержать не только груженные автомобили, но и принять на себя нагрузку от будущей насыпи и уложенных на нее десятков железнодорожных путей, по которым повезут тысячи тонн металла...

Делая утренние объезды, Бардин всегда начинал осмотр строительной площадки с тоннеля. Здесь каждый раз его уже ждали главные землекопы.

– Как дела идут? – обратился Бардин к зевавшему прорабу. Спросил, не здороваясь, будто отлучался только на короткое время, и вот уже вернулся.

– Дела – как сажа бела... – с трудом выговорил прораб и прикрыл рот ладонью. – Опять не врезаемся в график...

– Что мешает на этот раз?

– Иван Павлович, ну, сколько можно просить... Вчера вечером полетели колеса сразу у трех подвод. Сто лет их никто не смазывал. Там что, вредители сидят, или деготь на жратву растащили по хибарам?

Бардин прошел по борту широченной траншеи, увидел, что внизу накопилось много буртов невывезенного грунта. Мало того, что впустую лежит, так еще и уплотняется. А если пойдет дождь – такая здесь каша будет...

– Хорошо! К обеду у тебя будут возчики, даже с избытком. Обеспечь их работой. Но чтоб к завтрашнему утру не было здесь никаких хвостов. А через двое суток попытаемся пригнать экскаватор.

Прораб снова зевнул, потер покрасневшие от недосыпа глаза, через силу заулыбался:

– Вы же меня знаете, Иван Павлович! Никогда еще не срывал свои обязательства... А с железным ковшиком было бы куда сподручней...

И снова изо дня в день, пересекая уже уложен-

ные рельсы, рыли тоннель вручную, глубоко, доходили до так называемого томского галечника. Грунт вывозили грабарками, вагонетками и несколькими грузовиками, засыпая находящиеся около завода низины, овражки и болотистые места.

Чтоб народ смог пробираться с одной колонии на другую, смастерили временную дорогу. По ней день и ночь тянулись вереницы мужиков и баб, кто с чем – с сумками, котомками, узлами, свертками.

С началом зимы в широком подземном пространстве стало особенно холодно. Люди соорудили деревянные навесы – лишь бы не прекращать работу. Прибывший по указанию Бардина паровой экскаватор помог землекопам, но радовались недолго. Вскоре «полетела» одна шестеренка, потом другая. Много времени ушло на то, чтобы выволочь железную махину из зоны строительства.

Котлован удлинялся, углублялся и расширялся. Пришлось устанавливать деревянные мосты, чтобы обеспечить бесперебойную работу железнодорожникам. Землекопы с радостью ждали, когда над их головами проплывет состав со слитками. Мелко вздрагивали сосновые балки, и было страшно, что они не выдержат, обломятся, все рухнет вниз. Но люди жадно выпитывали хотя бы недолгое тепло, исходящее от огненных слитков или изложниц с расплавленным чугуном. Казалось, что среди пролетов шпал прорывается весеннее солнышко и бросает горячие лучи на заочевенные от холода лица...

А у поворота, где намечался будущий выход из тоннеля, стоял Морозов. Опустил уши шапки и постукивал ногами в валенках одна о другую. Тоже замерз, но деваться некуда. Допекло начальство. Долдонит одно и то же: народ растаскивает со стройки строительный материал. На последнем совещании Франкфурт обратился лично к нему:

– Вникни, Алексей Максимович, в ситуацию. Понимаю, что люди берут не для наживы. Все понимаю... Только если каждый унесет с площадки по гвоздю, то у нас за день будет утрата двухсот килограммов этих самых материалов. А за месяц больше пяти тонн! Вы думаете, нас там поймут, – и, по обыкновению, указал пальцем в сторону, где находилась Москва.

Бардин неожиданно вспомнил, что когда-то в Щегловске Эйхе показал ему точно таким жестом, где находится Кузнецк.

– В общем, это касается всех присутствующих. Но ты, Алексей Максимович, умеешь такое дело делать лучше других!

И вот он торчит здесь уже больше часа. Люди, ссутулившись, тянутся мимо туда и обратно. Одни на работу. Другие уже со смены. Может, и лежит у кого-то в кармане унесенный гвоздик. Только не проверишь ведь каждого. А найдешь у кого – и что скажешь? У него, поди, и крючка простого нет, чтоб

повесить единственный ватник. Вот и берут гвоздь, вбивают в простенок, загибают – чем не вешалка?

Его внимание привлекла женщина, несущая под мышками два кирпича. Поравнялась с ним, смерила усталым взглядом и хотела идти дальше.

– Гражданочка женщина! – окликнул ее Морозов. – У тебя что в руках?

Женщина опешила. Какой-то дурак задает глупый вопрос.

– Кирпичи. Что, шаров нету?

– Я-то вижу. И даже знаю, откуда они. Завтра из-за них не сможем достроить пристройку...

Ох, не надо было ее останавливать, что-то ей говорить! И ничего бы не случилось. И он спал бы спокойно до утра. А так женщина вдруг сбросила к ногам Морозова свой незамысловатый груз, и из нее с визгливой злостью посыпалось:

– А ты и так не достроишь ничего! Не с кем тебе строить будет... Ты что тут встрял на путях моих? Думаешь, я грабитель твоего завода? Так он и мой такой же... Мне эти два камешка не вместо подушки сидни положить. Я их на плиту покладу, чтоб теплые были. Ночью с ними в сортир мужик мой пойдет. Ноги на них поставит. А то чахоткой скоро изойдет и укатит на гору в Редаково... Вот тогда сам будешь все достраивать!

Народ шел мимо, кто-то приостанавливался, кто-то только поворачивал голову. А Морозов сквозь землю готов был провалиться. Поднял сначала один кирпич, потом другой. Протянул женщине, до сих пор сверлящей его взглядом.

– Будет тебе, чего ты... – попытался он ее успокоить. – Я ж не знал того всего. Понимаю: в жизни бывает всякое...

Он даже двинулся было вслед за этой женщиной, которая вскоре свернула куда-то влево. Да вовремя остановился.

...Наконец, почти все землекопы ушли. Лишь человек пятьдесят еще работали в конце будущего тоннеля. И как только последние люди с лопатами и тачками исчезли, вместо них появились монтажники. Они начали вязать и укладывать арматуру в днище тоннеля.

Особенно напряженными выдались дни тридцать второго года, когда развернулись бетонные работы. В это время всю запускали основные цехи завода, и строительство тоннеля все больше мешало нормальной жизни предприятия. Вроде не домна, не мартен, не прокатный стан, а необыкновенно важным оказался объект.

Бардин представлял себе каждый штрих этого сооружения. И мысленно обращался к нему, как к очень близкому человеку:

– Ну, что, брат? Погоди чуток, и ты вырастешь скоро... Заживешь своей красивой жизнью.

Да, это будет целая подземная махина! Длинной

больше, чем в полкилометра, семь метров шириной и четыре в высоту. С перекрытием в виде срезанного купола. С каждой стороны его будут удерживать триста семь железобетонных опор. К цехам завода из тоннеля предусмотрено три выезда. И еще возвысятся три купола, под которыми разместятся вентиляторы для нагнетания в тоннель свежего воздуха...

– Ну, и дубак нонечь! Вот тебе настоящие николевские морозы! – вкатился в кабинет Кожевников – главный на строительстве тоннеля. От него исходил запах промороженной земли. Лицо розовое, на усах сосульки...

– Ты чего такой шептун с самого утра? – поднял взор Бардин.

– Черный день у нас сегодня, Иван Павлович! Временно останавливаем работу.

Бардин на мгновение застыл, пытаясь понять смысл сказанного. Потом вскинул голову:

– Похороны Заева?

– Именно так. Достойный был человек. Большевик и ударник производства.

Еще вчера Бардин мимоходом узнал, что накануне скончался прораб Заев, руководивший строительством верхнего участка тоннеля. Перед обедом в коридоре столкнулся с начальником цеха «Земжелдорстрой» Кангером – это в его ведении было строительство всего сооружения.

– Что там получилось с Заевым, Яков Августович? Опять несчастный случай?

– Слава Богу, нет! Простыл человек, не выдюжил организм. Жалко. Товарищи считали его настоящим трудягой!

Наконец Бардин узнал подробности. Оказалось, прораб подхватил крупозное воспаление легких, но категорически отказался от длительного лечения, с температурой пришлепал на работу. В итоге почти в беспомощности увезли человека домой. Кое-как он пережил кошмарную ночь. Утром, перед самой смертью, вернулось сознание. Заев понял, что приходят последние минуты жизни, и через силу дал единственное распоряжение – похоронить в толще заводской земли. Не поднимая век, произнес слабым голосом:

– Пусть тело останется там, где сгорела моя душа! Товарищи доведут дело до конца. Не надо меня на кладбище...

Похороны назначили на три часа дня. Стоял жгучий мороз, хорошо, что еще без ветра. Минут за пятнадцать до этого по всему тоннелю работы были прекращены. Могилу выкопали напротив того места, где должна стоять колонна – седьмая от второго выезда.

Тело Заева Александра Михайловича лежало в гробу, обитом кумачом. В момент прощания к пиджаку покойного Ушатин прикрепил значок «Удар-

ник Кузнецкстроя». В руки, сложенные по-большевистски – не на груди, а на животе, – вложили грамоту «Ударнику Кузнецкстроя». Потом двумя гвоздями приколотили крышку гроба. Четверо мужиков на веревках опустили гроб в могилу и засыпали речной галькой. Сверху поставили четыре жаровни с горящим коксом, чтобы галька не смерзлась до утра. Утром к этому месту привезли бетон и залили им место захоронения. А позже прямо над прахом Заева поднялась четырехметровая стена...

Прошел почти год. Снег той осенью лег рано. Была середина октября, а за окном, казалось, настоящая зима. Бардин ежился, только недавно оказавшись в тепле. Заношенный полушубок грел уже плохо.

– Я думаю, что строительство тоннеля мы завершим к началу ноября, – доложил он.

Франкфурт протер стекла очков. Сказал твердо:

– Но откроем проезд ровно в день шестнадцатой годовщины Октябрьской революции. У присутствующих будут возражения?

Смысл последних слов всем был понятен. Из присутствующих в кабинете директора один Бардин не был членом партии. Напрямую Франкфурт никогда этого не подчеркивал, но при случае всегда намекал.

Торжественное открытие тоннеля состоялось в назначенный праздничный день. Это был вторник, 7 ноября 1933 года. Тускло светило полуденное солнце. Иногда с неба срывались случайные снежинки. На специально сколоченном помосте возле главного въезда в тоннель стояло человек пятнадцать: Франкфурт, Бардин, Хитаров, передовики ударного труда.

С речью выступили трое. Потом все сошли вниз. Шестеро музыкантов «рванули» марш. Прокатилось разноголосое «Ура, ура, ура!». Франкфурт разрезал красную ленту – знак того, что с этой минуты дорога по тоннелю для всех открыта.

Колонна потянулась в жерло тоннеля. Оркестранты обогнали ее по левой пешеходной стороне, спеша к могиле Заева. И как только голова колонны поравнялась с этим местом, раздалась звуки похоронного марша.

Наверное, Заев мечтал о таком часе.

СТАЛИНСК. 1934. БУТЕНКО

– Где-то начинаем хромать. Не так ли, Григорий Ефимович?

Казарновский бледной рукой пощипал правый ус.

– Я думаю, что Сергей Миронович живет строительной романтикой и не догадывается, что эксплуатация давно предъявила свои права.

...Стройка все больше становилась действующей

щим предприятием. С 1932 года Франкфурт начал фигурировать в документах не только как начальник Кузнецкстроя, но и как начальник Кузнецкого комбината.

Руководить одновременно строительством и эксплуатацией завода было вдвое сложнее. Освоение построенных цехов требовало повседневного внимания, кропотливой черновой работы.

Казарновский глотнул чая, задумался. Осторожно произнес:

– Я думаю, дело вот в чем... Вот жили мы жили, строили-строили... И тут тебе – бац! Трудность освоения завода застала врасплох... Вроде вчера еще казалось, что стоит только перейти рубеж строительного периода, пустить цехи, и в ту же минуту напряженность работы спадет. А в действительности все оказалось совсем не так...

– Вы правы, Григорий Ефимович! Мне тоже иной час кажется, что самые большие трудности к нам вываливаются после пуска цехов. Раньше было больше маневра. Даже риск был совсем другой. Ну, чем мы могли рисковать? Колонной, стеной, не поставленным на место агрегатом. А сегодня оно все дышит. И мы в такт ему поддерживаем свое дыхание. Представьте: ребенок у матери еще в утробе или уже у нее на руках – есть разница?

Казарновский протер платком очки с тонкими голубоватыми линзами. Приладил дужки за ушами. Откинул чуточку голову, улыбнулся, показывая, что вполне доволен своими действиями.

Бардин понял: чего-то он не договаривает. Хотя и прямо указывает, что в первую очередь имеет в виду Франкфурта.

Порой Бардину было даже жаль своего начальника. Он старался войти в его положение. Не будучи металлургом, Франкфурт не может в полной мере организовать нормальное освоение завода. Поэтому большинство функций передоверяет ему, главному инженеру.

Неглупый человек Сергей Миронович, скорее всего, все понимает сам. И уж наверняка не раз говорил с тем же Орджоникидзе о своих проблемах, о своем подвешенном состоянии. Знал, что никому эта ситуация не сулит ничего хорошего.

Сейчас, по сути, настало его время – час Бардина. Он занят своим любимым делом, и возможностей теперь у него неизмеримо больше. Его детище может расти, крепнуть... Признаться, иногда даже страшно, что вдруг уйдет Франкфурт, и объявится здесь другой человек. И еще не известно, как будет мести новая метла...

...Основное строительство завода завершилось. Теперь открывался простор для дальнейшего развития. Само собой напрашивалось, что у руля должны стоять грамотный молодой металлург.

Франкфурту позвонил сам Орджоникидзе.

– Сергей Миронович, надо снова идти в наступление. Вы получили небывалую закалку на Кузнецкстрое. Ее надо использовать дальше. Вы можете назвать имя своего преемника?

Кратко нарком описал, каким должен быть новый директор. Франкфурт замаялся. Неуверенно произнес:

– Мог бы назвать одного человека... Но он не вписывается в названные параметры.

– Вы что имеете в виду?

– Возраст...

– Значит, это Бардин?

– Да!

– Я согласен. У нас тоже рассматривалась его кандидатура. Пришли к общему мнению, что он на своем месте. Бардин – отличный руководитель и организатор, но он в большей мере талантливый технар. Ему не стоит расплываться на другие дела. И, как подсказывают наши товарищи, Иван Павлович все-таки не член партии. А это сегодня очень важно для человека на таком посту! Так что готовьтесь к предстоящему переезду... Ваше звание, Сергей Миронович, подхватит Бутенко.

Еще до того, как было произнесено имя нового директора, в голове у Франкфурта мелькнула мысль: «Значит, это все!» Орджоникидзе уловил его состояние.

– Я вас понимаю, Сергей Миронович. Вы не будете передавать завод по описи. Не надо официальностей. Будут только соответствующие приказы. Вам надо хорошенько отдохнуть на юге, это тоже продумано... А временно обязанности директора будут возложены на Бардина. Вы согласны?

Франкфурт знал, что с этой минуты здесь больше не главный. Поэтому четко выдохнул в трубку:

– Да!

Он немало был наслышан об этом Бутенко. Мимоходом даже соприкасался в Москве. Но никак не мог предположить, что этот щеголь, заносчивый молодой человек вдруг поедет в Сибирь. С какой ему руки? Значит, есть большая цель или корысть. А может, что-то пошло не так, вот и решили спихнуть неугодного на периферию... И тут же Франкфурт потрясенно осознал: Кузнецк – какая ж это периферия? Это нынче центр металлургической промышленности страны! И в самом центре ОН – всему голова...

Хорошо запомнил Франкфурт этого Бутенко. Красивого по сравнению с ним, высокого тридцатилетнего парня. Округлое, с розовым оттенком, лицо, волна темных волос, небрежно наброшенная почти на самый висок. И карие, на первый взгляд улыбающиеся, но колючие до невероятности глаза...

Какими путям шел этот Бутенко к вершинам своей славы? Франкфурт знал лишь то, что был он выходцем из рабочей семьи под Таганрогом. А даль-

ше, как у всех: слесарил, учился, окончил институт. Потом технические должности в Юзовке. Дорос до главного инженера. В последнее время директорствовал на Енакиевском металлургическом заводе.

Года три назад много говорили о его поездке в Германию. Он оказался в составе группы, которую возглавлял Пятаков. Занимались закупкой оборудования и изучением технологий, пробыли в командировке больше восьми месяцев. Побывали на пред-

приятнях Круппа и Маннесмана. Только в итоге оказалось, что добыли они там значительно меньше того, на что все рассчитывали...

Франкфурт позвал секретаря:

– Срочно отыщите Ивана Павловича. Есть серьезный разговор.

Потом поправил очки и сам себе сказал:

– Начинается новая жизнь...

